

**Л.А. ДИХАНОВА-ВНУКОВСКАЯ
(МИНСК, БГУ)**

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ЕВАНГЕЛИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ НА ПРИМЕРЕ МИССИЙ ФРАНЦИСКАНЦЕВ И ИЕЗУИТОВ В ЯПОНИИ В XVI ВЕКЕ¹

Великие географические открытия и завоевания иберийских держав XV – XVI вв., установившие новые форпосты христианского мира в разных частях света, дали католицизму возможность осуществить свои "вселенские притязания в мировом масштабе", позволяя стать "глобальным явлением". Движимые такими базовыми для христианской догматики категориями и постулатами, как эсхатологические воззрения, идеи сотериологии и категорией «библейского времени», являвшимися основой феномена миссионерской деятельности в Средние века, католические миссионеры в XVI веке развернули широкую экспансию от берегов обеих Америк до Японского архипелага. Однако важно учитывать, что общность цели по распространению христианства у представителей различных орденов не явилось основой для единства моделей пропаганды веры среди нехристианских народов. Особо ярко это нашло отображение в деятельности иезуитов и францисканцев в Японии в XVI в.

Данный доклад проводит сопоставительный анализ францисканского и иезуитского подхода к евангелизации в указанный выше период, выделяя общее и различия в их концепции распространения христианства, а также делает попытку определить причины возникновения двух вариаций.

Первые иезуиты, возглавляемые основоположником миссионерских методик ордена Франциском Ксавье (1506-1552), прибыли на японский архипелаг в августе 1549 г. Япония в этот период переживала состояние глубокой политической раздробленности. Для миссионеров подобное положение вещей имело свои преимущества и недостатки. С одной стороны, они не должны были беспокоиться о расположении одного конкретного властителя, поскольку в любой момент могли перейти во владения соседнего феодала. С другой стороны, подобная политическая турбулентность могла в любой момент привести к потере власти «патроном» миссионеров, а, следовательно, и прервать евангелизацию данной территории. Религиозная обстановка в Японии XVI века, также была неоднозначна для начала миссионерской деятельности европейцев. К моменту прибытия португальцев в 1543 г. здесь установился религиозный синкретизм, объединявший элементы

---

¹ Публикуется в авторской редакции.

синтоизма, конфуцианства, даосизма и буддизма. Наличие религиозного синкретизма облегчало иезуитам процесс интеграции христианства в религиозный мир Японии. Однако, появление европейских миссионеров, претендовавших на социально-политическую нишу занятую буддистскими монахами, вело к неизбежному конфликту между иезуитами и буддистским духовенством.

Столкнувшись в ходе миссионерской деятельности с проблемой интеграции в общество такого развитого государства как Япония, разительно отличающегося от социокультурных традиций Европы, иезуиты сделали заключение, что эффективность евангелизации неотъемлема от обязательного понимания сущности среды, являвшейся объектом пропаганды. Стоит подчеркнуть, что этикет в традиционном японском обществе играл огромную роль, поскольку предписывал разное поведение в зависимости от социального статуса оппонента, т.е. поведение человека четко обозначало его позицию в обществе. Иезуиты должны были использовать надлежащие манеры, дабы утвердить свой престиж и социальный статус. В обратном случае им грозила роль аутсайдеров, или же присвоение низкого социального статуса. На это иезуитам указывали их японские покровители, новообращенные японские даймё. В частности, владетель Бунго, Отомо Сорин (1530-1587) указывал, что, если иезуиты хотят обратить Японию, они обязаны хорошо изучить язык и придерживаться японского этикета. [9, p.267]

Данные взгляды легли в основу иезуитской стратегии евангелизации нехристианских народов – «политику культурной аккомодации». Основные положения данной концепции: адаптация к автохтонной культуре, пропаганда веры в соответствии с методом "сверху-вниз" и подготовка местного духовенства были закреплены на конференции миссионеров в Бунго (1580) и оформлены в трактате генерала-викария Восточной Индии и визитатора азиатских миссий иезуитов Алессандро Валиньяно (1539-1606) «Предупреждения и предостережения по поводу обычаев и нравов, распространенных в Японии» (1581). [1]

Предпосылки для возникновения новой концептуализации миссионерской деятельности были заложены основателем Общества Иисуса Игнатием Лойолой (1491-1556). Под воздействием социокультурных и мировоззренческих процессов первой половины XVI века, когда Европа и католическая церковь столкнулись с небывалым многообразием, а также трансформации такого понятия как природа, что позволило разделить природный и сверхъестественный замысел, иезуитская философия смогла открыть двери для официального признания несходства и разнообразия. Исходя из данных взглядов, Лойола обеспечил орден структурой, наделяющей его членов мобильностью и способностью интегрировать в окружающий мир. Он также

утверждал, что дабы достичь совершенства иезуиты должны использовать разные образы жизни, которые Бог предложит им выбрать,[3, с.93] т.е. адаптировать себя к внешним условиям окружающей их социальной среды. Тем самым, Общество Иисуса смогло преодолеть средневековую антропологическую концепцию, исключавшую из числа полноценных людей всех нехристиан.

Новая «политика культурной аккомодации, ставшая в начале 80-х годов XVI века унифицированной стратегией японской миссии, позволила иезуитам в относительно краткие сроки интегрироваться в сложную социальную структуру Японии, заняв в ней высокое положение, и привлечь в христианство большое число японской аристократии, приведшей за собой в новую веру и своих подданных. Численность христианской общины к середине 80-х гг. XVI в., превысила 150 тысяч человек.[6, р.130]

Францисканские миссионеры прибыли на японские острова в 1592 г. в качестве представителей испанской колониальной системы в Азии, базировавшейся на Филиппинах. Политическая ситуация в Японии в это время значительно изменилась: под напором усилий военачальников Ода Нобунага (1534-1582) и Тоётоми Хидэёси (1537 - 1598),направленных на централизацию государства, к 1587 г. страна была объединена. В ходе данного процесса значительно снизилось политическое значение буддистского монашества, а значит, и отпала надобность в христианских миссионерах как религиозно-политическом противовесе. Более того, подчинение о-ва Кюсю, где дислоцировался основной миссионерский контингент Общества Иисуса, выявило для центральной власти огромное влияние европейцев на местных даймё. Данное открытие, подкрепленное владением иезуитами портом Нагасаки, а также тем фактом, что в качестве иностранцев они имели вассальные взаимоотношения за пределами Японии и гипотетически могли получить поддержку от сил, находящихся вне контроля японских властителей, привело к изданию в июле 1587 г. первых антихристианских указов. [10, р.440-451]

Важно, однако, отметить, что исполнение антихристианских постановлений проходило довольно формально: не было казней христиан; церкви не разрушались, а только временно закрывались; практически все миссионеры, за исключением нескольких отбывших в Китай, остались в Японии. [12, р.488-492] Более того, в 1591 г. в ходе личной аудиенции Алессандро Валиньяно смог получить от правителя Японии разрешение на дальнейшую миссионерскую деятельность иезуитов.[13, р.273-277]

Стоит согласиться с мнением английского историка Чарльза Боксера, объяснявшим такую снисходительность, приверженностью Хидэёси широким экономическим и культурным контактам, и связям с европейскими странами. [5,

р.187] Понимая значение внешней торговли для экономического роста нового централизованного государства, Хидэёси не только не сократил торговлю с европейцами, но, в попытке ее расширить, отправил в 1591 г. своего эмиссара в Манилу, дабы наладить торговые отношения с испанцами. Достижением соглашения с губернатором Филиппин Гомесом Пересом Дасмаринасом (1590 - 1593), японцы рассчитывали подорвать монопольную торговлю португальцев и снизить цену на шелк и серебро. Манила также была заинтересована в установлении дружеских отношений с правителем Японии из-за выгод от «галеонной торговли», а также вопросов безопасности (совместных действий против пиратов, стремление обезопасить себя от возможности японского). Губернатор Филиппин отправил в Японию делегацию, возглавляемую францисканцем Педро Баптиста (? – 1597). Это положило начало францисканской миссии в Японии.

За шесть лет своего пребывания на японских островах (1592 – 1597 гг.) францисканцы основали три монастыря (в Мияко, Нагасаки и Осаке), а также построили три лепрозория (два в Мияко и один в Нагасаки). [6, p.161-163] Следует отметить, что, минориты не приняли и осудили аккомодационную политику иезуитов, как явную уступку язычеству и светскому обществу, способную привести к искажению христианских истин. [4, p.492] Следуя принципам средневековой антропологии, считавшей всех нехристиан – антагонистами, миссионеры нищенствующих орденов считали единственно возможным способом поведения среди населения нехристианских земель противопоставление себя местному обществу. [11, p.66]

Для лучшего понимания внутреннего конфликта между нищенствующими монахами и нехристианским обществом, важно учитывать средневековую концептуализацию пространства в Европе, которая базировалась на дихотомическом видении мира: царство божье (*civitas Dei*) противопоставлялось земному миру (*civitas terrena*), греховному и конечному, что сближало его с понятием *civitas diaboli*. Для миссионеров нищенствующих орденов святым местом, олицетворявшим царство небесное, являлся монастырь, становившийся центром религиозной активности. Марчелло де Рибадэнэйра (1526-1611), один из францисканцев в Японии, утверждал, что молитвы были наиболее важной деятельностью францисканской миссии, «понимая, что в этом заключается сила победы над врагами». [15, p.124-125] Тем самым свершение молитв в монастыре не понималось как побег от непосредственного процесса евангелизации. Скорее это отражало тот факт, что нищенствующие монахи рассматривали себя в качестве носителей абсолютной истины, которая неизбежно восторжествует над языческим миром, и, в конце концов, покорит его. Поэтому участники японской францисканской миссии были убеждены, что

нет необходимости во внедрении каких-либо инноваций в методы доктринации, как и истина не нуждается в обновлении.[11, р.89]

В то же время, францисканцы признавали тот факт, что Япония коренным образом отличается от любой другой страны, где им приходилось проповедовать. Так брат Херонимо де Иисус(? – 1601) писал: «Как отличается обращение в Японии от других обращений в мире известно очень хорошо. Во всех Индиях Новой Испании, Перу и Филиппинах индеец не спрашивает, а слушает и верит во все, что ему говорят; по крайней мере, услышав, он проникается знаниями и сведениями о Боге. В Японии же - все наоборот, что пугает; ...и они с живостью задают такие трудные вопросы, что изумляешься, слушая их». [11, р.78-79] Тем самым, францисканский подход к евангелизации не отвергал существование разнообразия мира. Он опровергал только то утверждение, что подобное многообразие является основополагающим элементом для регулирования церковного поведения, поскольку считал разнообразие продуктом греховного мира. Важно также отметить, что францисканцы не учитывали фактора отсутствия прямой военной поддержки со стороны европейских колониальных властей, как и факта, что Япония являлась развитым, политически независимым и сильным в военном плане государством.

Причины возникновения двух концепций, помимо разницы в мировоззренческой позиции Средневековья и Раннего Нового времени, заключались также в теологических и политических факторах. К концу XVI века между нищенствующими орденами и Обществом Иисуса наметилось соперничество за первенство в осуществлении миссионерской деятельности, основанное на идее предопределенности успеха мессианизма миссионеров того или иного католического института. Ярким примером, подобного подхода явилась модель интерпретации францисканскими миссионерами своего приезда в Японию в 1592 г., когда они, не смотря на введение антихристианских указов 1587 г., были приглашены в страну непосредственно ее правителем Тоётоми Хидэёси. Начало своей миссионерской деятельности минориты объясняли, как естественную эволюцию японской католической церкви. Иезуиты, воспринимались как часть уже прошедшей фазы, а францисканцы открывали новую эру в ее развитии. В этом изменении серые братья видели Божественное вмешательство. [4, р.506]

Рассмотрение приезда миноритов в Японию в качестве составляющей божественного замысла по восстановлению церкви являлось отображением европейской средневековой философии, когда отношения между человеком и окружающим миром рассматривались не как автономные отношения между субъектом и объектом, а как ситуация, в которой субъект интегрирован во внешний мир. Не существовало барьеров между индивидом и миром – концепция, выросшая из веры в единство мироздания, где мир воспринимался

как идеальный и необходимый порядок вещей, в котором все выполняли предначертанную Провидением роль. [2, с.61, 64-65, 71] Это был трансцендентный взгляд на природу, особо выраженный Франциском Ассизским, где природа не представляла самоценности, но являлась только отражением «образа Божьего».

Подобная концептуализация была причиной символической интерпретации мира, что давало возможность средневековому человеку рассматривать природу как «великий резервуар символов». Согласно четырехгранному подходу интерпретации действительности в средневековой Европе, описанному российским историком и культурологом А.Я. Гуревичем, [2, с.80] вырисовывается следующая структура понимания францисканцами их приезда на японские острова:

- Во-первых, факт: Хидэёси пригласил францисканцев в Японию.
- Во-вторых, аллегорическая интерпретация: божественный замысел, в котором на францисканцев накладывалась миссия спасения японского христианского мира.

- В-третьих, тропологическое толкование: просчеты в миссионерской деятельности иезуитов были решающим фактором упадка христианства в Японии.

- В-четвертых, мистическая интерпретация: францисканцы являются тем истинным основанием, на котором должна быть заново отстроена японская христианская церковь.

Подобный мессианизм, с одной стороны, носил апологетическую функцию, поскольку францисканцы, прибывшие с Филиппинских островов, вторгались в Японии на территорию португальского падрода и, более того, нарушали папское бреве «*Ex pastoralis officio*» (1585), [14, p.41-44] по которому Японский архипелаг считался монополией миссионеров Общества Иисуса. В свою очередь, предложенный францисканцами вид концептуализации не оставлял места для каких-либо сомнений. Все оправдывалось, поскольку основывалось на вмешательстве Провидения. Видимое противоречие в поведении Хидэёси, издавшего антихристианские указы и, одновременно с этим, пригласившим францисканских миссионеров, не воспринималось скептически, а скорее принималось как неизбежность прибытия францисканцев.

Иезуиты также находились под влиянием идей об особой миссии, возложенной на Общество Иисуса. Так, например, Алессандро Валиньяно в своем полемическом трактате, защищавшего монополию ордена на миссионерскую деятельность в Японии, рассматривал Общество Иисуса, как единственный католический институт, подготовленный к сложной задаче осуществления миссионерской деятельности. [16, p.31] Эта мысль об

иезуитской предопределенности, была выработана в совершенно иной манере, чем доводы францисканской интерпретации приезда в Японию. В то время, как развитие францисканского мессианизма базировалось на субъективной интерпретации мира, превосходство иезуитов на поле евангелизационной деятельности, Валиньяно концептуализировал, как нечто объективное, выросшее из анализа комплексной природы мира, где действовали миссионеры. Визитатор подчеркивал, что знание ситуации является фундаментальным фактором для эффективного развития миссионерской деятельности. [16, p.12, 29-30, 111] Согласно его мнению было крайне важно постичь то, что реальность являлась целым комплексом изменяющихся элементов, что и обусловило эволюцию методов миссионерской активности. По мнению Валиньяно, иезуиты являлись единственной церковной организацией, способной к пониманию мира и нашедшей лучшее решение для задачи по расширению границ влияния католицизма: «политику культурной аккомодации».[8, p.65-66]

Данные теологические противоречия дополнились политической ангажированностью католических орденов и их вовлеченностью в дела европейских держав, в первую очередь Португалии и Испании, боровшихся за контроль над торговлей в Азии. Дело в том, что успехи в миссионерской деятельности могли повлиять на Святой Престол и создать условия для объявления монополии того или другого падродао на конкретной территории, а, следовательно, и обеспечить бесконкурентную торговую деятельность в данном регионе. Особую остроту данный конфликт приобрел после объединения иберийских корон, под эгидой Филиппа II в 1580 году. Не смотря на то, что одним из важнейших условий унии было сохранение автономности португальских колониальных владений и незыблемости португальского падродао, испанские колониальные власти на Филиппинах, а также, поддерживающие их, нищенствующие ордена восприняли это политическое событие как призыв к действию. Они начали усиленно лоббировать в папской курии отмену буллы "Ex pastoralis officio". Общество Иисуса, в свою очередь, развернуло жаркую полемику вокруг невозможности приезда в Японию других духовных сообществ, отстаивая свое исключительное право на евангелизацию Японии, и подспудно защищая португальскую торговую монополию. [16] Однако, под влиянием многих внешних факторов (экономическая заинтересованность японских властей, снижение политического влияния Португалии и т.д.) потерпело поражение.

В начале 1597 г. последовал новый виток гонений на христианство. Поводом послужил конфликт вокруг потерпевшего крушение у берегов о-ва Сикоку (октябрь 1596 г.) испанского судна, перевозившее из Манилы в Акапулько 1,5 миллиона серебряных песо. Глава францисканской миссии, Педро Баптиста, которого испанцы попросили быть посредником в переговорах

с японскими властями, заверил капитана судна в полном контроле над ситуацией и в разрешении последней исключительно благоприятно для испанцев. Убежденность Баптисты в своих силах была столь велика, что он категорически отказался от любой помощи со стороны иезуитов. [4, p.495-497] Однако, судно и весь груз были конфискованы.

Угроза испанского вторжения, озвученная капитаном галеона, в дополнении с подчеркнутым антагонизмом и нежеланием францисканцев в течение шестилетнего пребывания в Японии адаптироваться к местной культуре и обычаям, привели к многочисленным казням миноритов и подтверждению антихристианских указов в 1597 г. Смерть Тайко в 1598 г. отменила гонения на христиан, однако францисканцы, не имевшие поддержки со стороны японских даймё, вследствие отказа адаптироваться к местной культуре, не смогли больше развернуть в Японии миссионерскую деятельность.

Таким образом, в начале 90-х годов XVI века в Японии столкнулись два подхода к евангелизации нехристианских народов, проводимых иезуитами и францисканцами. Общие по своим мотивам и целям (положения сотериологии и эсхатологии), они расходились в мировоззренческих позициях, послуживших базами для двух концепций. Францисканцы опирались на средневековую модель миссионерской деятельности, основными постулатами которой являлись: противопоставление себя нехристианскому населению; абсолютизация значения традиций; видение монастыря, как места «святого проповедничества». Иезуиты, в свою очередь, вооружившись идеями Раннего Нового времени, отказались от монастырской концептуализации; они выработали унифицированную стратегию евангелизации нехристианского населения; признав равноправие европейской и японской культуры, они поставили адаптацию и интеграцию в автохтонное общество краеугольным камнем своей модели пропаганды христианства.

Данное столкновение, вылилось в конфликт между двумя японскими католическими миссиями, который помимо теологического и мировоззренческого фактора, был обусловлен политико-экономическим соперничеством Испании и Португалии. В ходе апробации двух подходов к распространению христианства, иезуитская стратегия евангелизации нехристианских народов зарекомендовала себя как более жизнеспособная, позволившая представителям Общества продолжить миссионерскую деятельность в улучшившейся для европейцев политической обстановке в Японии конца XVI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валиньяно, А. Предупреждения и предостережения по поводу обычаев и нравов, распространенных в Японии / А. Валиньяно // Книга японских обыкновений : сборник / сост. А. Н. Мещеряков ; под ред. А. Р. Вяткина. – М., 1999. – С. 251–305.
2. Гуревич, А. Я. Избранные труды : в 4 т. / А. Я. Гуревич. – М. : Университетская книга, 1999. – Т. 2. Средневековый мир. – 1999. – 560 с.
3. Лойола, И. Духовные упражнения. Духовный дневник / И. Лойола. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 375 с.
4. Bibliotheca Missionum : in 23 vol. / ed.: R. Streit, J. Dindinger. – Freiburg : Herder, 1916–1963. – Vol. 4. – 1928. – 1022 p.
5. Boxer, C. R. The great ship from Amacón: annals of Macao and the old Japan trade, 1555–1640 / C. R. Boxer. – Lisboa : Centro de Estudos hist. ultramarinos, 1959. – 359 p.
6. Boxer, C. R. The christian century in Japan, 1549–1650 / C. R. Boxer. – Manchester : Carcanet [et al.], 1993. – 552 p.
7. Cummins, J. A question of rites: Friar Domingo Navarrete and the Jesuits in China / J. Cummins. – Aldershot : Scolar Press, 1993. – 349 p.
8. Documenta Indica: 18 vol. Edited by J. Wicki and J. Gomes. Roma: Historical Institute of the Society of Jesus, 1948 - 1988. vol. 16 (1592 – 1594). 1984. P. 65 – 66
9. Documenta Indica : in 18 vol. / ed. J. Wicki. – Roma : Hist. Inst. of the Soc. of Jesus, 1948–1988. – Vol. 17 : 1595–1597. – 1988. – 535 p.
10. Elison, G. Deus destroyed: the image of christianity in early modern Japan / G. Elison. – Cambridge : Harvard Univ. Press, 1988. – 542 p.
11. Jerónimo de Jesús. Fr. Jerónimo de Jesús: restaurador de las misiones del Japon: sus cartas y relaciones (1595–1604) / Jerónimo de Jesús, L. Pérez. – Florence : Collegii S. Bonaventurae, 1929. – 162 p.
12. Frois, L. Historia de Japam : in 5 vol. / L. Frois ; ed. J. Wicki. – Lisboa : Bibl. Nac., 1976–1984. – Vol. 4. – 1983. – 563 p.
13. Frois, L. Historia de Japam : in 5 vol. / L. Frois ; ed. J. Wicki. – Lisboa : Bibl. Nac., 1976–1984. – Vol. 5. – 1984. – 641 p.
14. Magnino, L. Pontificia nipponica: le relazioni tra la Santa Sede e il Giappone attraverso i documenti pontifici : in 2 vol. / L. Magnino. – Romae : Offic. Libri Catholici, 1947–1948. – Vol. 1 : (secc. XVI–XVIII). – 1947. – 188 p.
15. Ribadeneira, M. Historia de las Islas del Archipiélago Filipino y reinos de la Gran China, Tartaria, Cochinchina, Malaca, Siam, Cambodge y Japon / M. Ribadeneira. – Madrid: Editorial Católica, 1947. – 652 p.
16. Valignano, A. Apologia en la qual se responde a diversas calumnias que se escribieron contra los Padres de la Compañía de Japon y de la China / A. Valignano. – Evora: Por la viuda de Alonso Martin, 1598 – 188 p.